

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Риверстейн

ГЛАВА 1

Раньше я ненавидела утро. Эти ужасные рассветные часы, когда меня выдирают из сна и я сваливаюсь с кровати, нелепо потряхивая головой, разминаю тяжелое тело и зябко переступаю босыми ногами. Когда мысли ворочаются медленно, вяло, а глаза подслеповато щурятся, не желая обозревать убогую реальность.

Под утро мне всегда снились потрясающие картины. Живые и яркие, наполненные сказочными красками и тихим ощущением счастья. Мне грезились кленовые листья, пронизанные солнечным светом, танцующие чарующий танец осени на дрожащем серебряном ветру. Осенние цветы благоухали сладко и терпко, а ледяная колодезная вода обжигала мои смеющиеся губы.

Я никогда не видела в своих снах людей, но я была в них счастлива. Только это было раньше. До того, как мои ночи превратились в кошмары.

Сегодня утром голова после бессонной ночи болела нещадно, а руки дрожали. Моим единственным желанием было — подоткнуть под живот одеяло и хоть немножко поспать. Но кто мне позволит?

Гарпия возникла на пороге спальни еще до того, как зазвенел на башне колокол, и тут же злобно оглядела наши сонные лица и нечесанные головы. Конечно, кроме меня, все еще в постелях, тихо посапывают и досматривают самые сладкие утренние сны.

— Подъем!!!

Это ужасное, ненавистное всем приютом слово Гарпия орала каждый день со смаком и наслаждением, отчего мы ненавидели ее еще больше. Лично я вообще не понимаю тех, кто способен без проблем просыпаться на заре, да еще и радостно улыбаться при этом. Гарпия не улыбалась. Не

думаю, что она в курсе, что существует такая мимическая нелепица, как улыбка.

— Подъем!!! Встать! Живо! Мерзавки ленивые!

Голос у Гарпии противный, высокий, на одной ноте — когда она так орет, у меня уши закладывает. От ее возгласов и мертвый поднимется, мы же, хоть и сомневались порой, но все еще причисляли себя к живым.

Убедившись, что девчонки худо-бедно вылезли из-под одеял и нестройно потянулись в комнату омовений, Гарпия вышла. Через минуту ее вопли раздалась и в конце коридора.

— Не пойду умываться, — хмуро сообщила Ксенька. — Холодина какая! Брр...

Я молча застегивала негнушимися пальцами холщовую рубашку. К холоду мы привыкли: отапливали у нас плохо, дрова сэкономили. Сейчас еще терпимо, хоть пол и ледяной, а вот зимой станет совсем туго. В прошлом году мы завешивали окна кожухами, затыкали щели сеном и тряпками, а все равно к утру все промерзло, задубевшие тулупы отдирали вместе с наледью. А ведь в них еще надо было после этого ходить.

Мое место у окна, которое Ксенька с трудом отвоевала у воспитанниц в жару, к зиме станет столь же привлекательным, как промерзший скит отшельника, желающих занять его найдется мало.

Правда, к зиме меня здесь уже не будет.

Тоска накатила снова, я сжала виски.

— Ты чего бледная такая? Краше в яму упокоения кладут, — Ксенька нещадно драла гребнем свои рыжие кудри, потом плюнула и закрутила на макушке тугой пучок. — Опять не спала, что ли?

— Спала, — буркнула я, — голова болит.

— Ну-ну, — подруга посмотрела косо, — часто она у тебя болит! Сходила бы ты к травнице, Ветряна, смотреть на тебя страшно!

— Вот и не смотри, — я отвернулась, мазнула взглядом по своему отражению в темном окне. Да уж, правда смотреть страшно. Бледное осунувшееся лицо с заострившимися от худобы чертами, темные от недосыпа и усталости

круги под глазами, белые пакли волос, синюшно-бледные губы. Красота!

Ксенька уловила мою гримасу.

— Ветряна, я серьезно! Сходи к травнице, пусть она тебе снадобий наварит! Ты на привидение похожа! И не ври, что спала, вижу, что глаза слипаются! Надо с твоей бессонницей что-то делать! Доведешь же себя... И кричала опять. Сходи к Данине! А не то я сама схожу, слышишь? Наберу у нее сонных капель и вылью тебе в травник! Хоть выплещись!

Я вздрогнула. С Ксеньки станется, она решительная. И не объяснишь ведь, что нельзя мне спать! Никак нельзя...

Я через силу улыбнулась и сказала как можно беззаботнее:

— Схожу, Ксения, схожу! Обещаю! Вот после построения и отправлюсь. Одевайся скорее, а то опоздаем на пробежку и Гарпия с нас три шкуры спустит! Опять будем вместо двух кругов пять бегать. Или без завтрака оставит, что еще хуже!

Мысль о завтраке заставила нас проглотить голодную слюну, в кратчайшие сроки одеться и выбежать на улицу.

И то чуть не опоздали, Гарпия вышла во двор мгновением позже нас. Посмотрела недовольно. Больше оттого, что мы все же успели и лишили ее такой сладостной возможности нас наказать. Наказывать она любила, особенно меня почему-то. Уж не знаю, чем я ей так не угодила... Дебоширкой и забиякой я не была, училась сносно, любимое развлечение — посидеть в углу, уткнувшись носом в старый фолиант. Но почему-то именно от вида моей тощей фигуры у Гарпии особенно сильно перекашивалось лицо и она наливалась лютой злобой.

Поэтому по мере сил на глаза ей я старалась не попадаться.

— Построились! Бегом! Три круга! Шевелитесь, шаромыги обморочные! Живее!

Мы грустно потрусили по кругу, я затесалась в середине, стараясь не выбиваться из строя. Плестись в хвосте черевато, Гарпия красноречиво похлопывала хлыстом по голенищу сапог, и я не сомневалась, что, если окажусь в конце,

она не применит использовать его по назначению. А ощутить жало хлыста на своей шкуре мне что-то не хотелось.

Морозный воздух царапал горло, драл легкие, но я была ему благодарна. Он хоть немного прогонял из головы обморочную ночную тьму, от которой заходило в ужасе нутро. Мысли ворочались в голове тяжело, как толстый склизкий червяк в склянке. Как я ни старалась, ничего дельного на ум не приходило. А подумать бы надо. Трезво и здраво взвесить ситуацию, найти решение.

Хотя какое тут решение: кроме паники и тошноты, бульканьем подступающей к горлу, ни о чем думать не удавалось. И посоветоваться не с кем. Даже Ксеньке не рассказать — испугается, шарахнется как от скаженной, тогда совсем худо мне станет.

Но что делать? Что же мне делать? Ведь не выдержу, засну, и тогда это повторится! А не спать не смогу, устала так, что еле ноги переставляю. А ведь еще только утро! Девчонки бегут ладно и сильно, взбодрились на утреннем холодке. Разрумянились, глаза блестят!

А я уже на первом круге хриплю как загнанная лошадь!

Поспать бы... Хорошо так, по-настоящему, а не тревожными урывками, как сплю я уже три месяца. Свернуться бы на теплом топчане, под пушистым одеялом, и спать, спать, спать... Долго-долго и сладко-сладко. Без тоски, сжимающей горло, без страха, без Зова.

Икры обожгло болью, и я вынырнула из мутной, затягивающей меня дремоты. Все-таки я отстала, оказалась в хвосте, чем Гарпия и воспользовалась с радостью. Я мельком увидела замах, и снова ноги вспыхнули от удара хлыста.

Даже зимой мы бегали в ботинках и коротких штанах, по колено. Сверху — рубахи и старые меховые безрукавки, на головах платки. Но ноги почти голые, прикрытые только грубыми суконными чулками. И получать по ним хлыстом было очень и очень болезненно. Тем более получать по еще не зажившим и даже толком не затянувшимся вчерашним ранам. И позавчерашним. Да что там говорить, последнее время получала я по своим несчастным ногам постоянно. К тому же Гарпия вымачивала свой хлыст в соляном растворе...

Я заскулила, зная, что нельзя. Это правило! Плакать у нас запрещалось. Наказания нужно было принимать стоически и смиренно, еще желательно с благодарностью. Но сегодня мне это решительно не удавалось. Не было во мне благодарности ни на медяк! Затянувшиеся коркой старые раны полопались, теплая кровь полилась в ботинки, и вместо благодарности я испытала лишь прилив ненависти!

— Не ныть! — радостно заорала Гарпия, и снова мои ноги обвил хлыст.

Боль, кажется, обожгла все нутро, я клацнула зубами, чуть не откусив язык, и, не устояв на подкосившихся ногах, рухнула лицом на дорожку. Из носа закапала кровь, и я равнодушно вытерла ее рукавом.

— Встать! Кому сказала! Бегом! Еще круг!

Я, шатаясь, встала на четвереньки, кое-как поднялась. Ладони ободраны, нос разбит, ноги болят нестерпимо. И это только начало дня!

— Бего-о-о-ом-м-м!!!

Гарпия с выгаращенными глазами снова замахнулась. Этого удара я уже почти не почувствовала... Шатаясь, заковыляла по дорожке. Бегом это, конечно, трудно назвать, но хоть так. У меня появились серьезные опасения, что если упаду снова, Гарпия оторвется на мне по полной. Послушницы уже закончили пробежку, я уловила несколько сочувственных взглядов. Правда, тайком, никто не хотел разделить мою участь. Я, хрипя и пошатываясь, волочилась по дорожке, из носа капало, и я вытирала его рукавом, оставляя на ткани красную полоску.

Еще и стирать придется. А на холоде сохнет долго... Это плохо. Или так пойти на занятия? Нет, нельзя. Мне предстоит урок святопочитания и смирения у арея Аристарха, он хоть и не Гарпия, но гад еще тот. Лучше в мокрой пойду!

Я сосредоточенно переставляла ноги. Ворота маячили где-то вдалеке и, кажется, совсем не приближались. Эх, не доползу...

Надо подумать о чем-нибудь, что отвлечет меня от боли в ногах, от душящих слез и бесконечной усталости.

В голову опять полезло видение удобного топчана с теплым пушистым покрывалом... Мягким-мягким, теплым-теплым... Надо встряхнуться.

«Ветер крылышки мне дарит, в спинку ласково толкает... Укрывает, закрывает, помогает, помогает... — забормотала я себе под нос детскую песенку. — Снег пушистый все укроет, успокоит... успокоит...»

А как там дальше? Забыла!

Ох! За детской считалочкой даже не заметила, как доплелась до ворот! Гарпия смотрела дикими глазами, не ожидала, видимо, такой живучести от меня — ходячего трупа, даже хлыст выронила. И медленно, словно через силу, мне кивнула, отпуская.

У меня от радости даже силы появились, и я почти бегом пропустила к приюту.

Уже входя в здание, обернулась. Гарпия все так же стояла посреди двора и смотрела мне вслед. От ее взгляда даже на расстоянии у меня мороз пошел по коже — ох, не к добру. Вокруг нее медленно кружились и оседали снежинки. Надо же, а я и не заметила, когда снег пошел.

Первый в этом году.

* * *

Завтрак я пропустила. Пока плелась дополнительный круг, пока судорожно застирывала рукав рубашки, промывала и заматывала тряпицами икры — завтрак закончился.

В животе бурчало уже, кажется, на весь приют, так есть хотелось. Но когда я ворвалась в трапезную, дневальщицы уже отодвигали лавки и мели вениками под столами.

От голода я чуть не забыла.

Кухарка Авдотья осторожно поманила меня пальцем в закуток.

— Ветряна, опять получила? — тихо спросила она.

Я понуро кивнула. Понятное дело, кто ж по доброй воле завтрак пропустит? Кухарка жалостливо покачала головой. Из всех наших «попечителей» жалели нас только она да еще травница Данина.

Правда, толку от этой жалости было мало, жалеть и привечать послушниц было строжайше запрещено. И кухарка, и травница — бабы местные, деревенские. Жили в деревеньке бедно, а здесь, в приюте, они зарабатывали хоть

какую-то медяшку, и потому ссориться с наставницами им совсем не хотелось, а то живо прогонят.

А Авдотья еще и бездомная, сгорела ее изба в пожаре два года назад, а новую поставить безмужней кухарке никто не захотел. Да и некому особо, в деревеньке одни старики да бесхозные женщины и остались. Потому и бабская жалость их выражалась лишь в печальных вздохах и горестных взглядах на нас — горемык.

— Опять отхлестала?

Я поморщилась и кивнула. Ноги под тряпицами ныли и кровоточили, благо хоть под коричневыми балахонами, которые мы носили, не видно. Но хромала я заметно, и нос опух.

— Ох, бедняжка, за что ж на тебя наша Гар... ох... мистрис Карислава так взъелась!

Я хихикнула. Ну да, Гарпия — это за глаза, конечно, а так-то — мистрис Карислава! Чтоб ее!

Авдотья тоже хихикнула, от глаз ее разбежались лучики морщинок, и я залюбовалась ее добродушным круглым лицом с румянцем и веснушками.

Она же мое осмотрела с грустной улыбкой.

— Какая ты худощая, Ветряна, ужась... Болезненная, тощая... А с носом-то что, горюшко? Упала?

— Ага, — я беззаботно повела плечом, жадно принюхиваясь к запахам трапезной. Каша сегодня, похоже, была кукурузная. Обычно у Авдотьи она получалась чуть подгорелой и жидковатой, но вкусной.

В горле что-то булькнуло.

Авдотья покосилась на дневальщиц, те сосредоточенно скребли пол вениками.

— Вот, возьми, — в карман моего балахона из передника кухарки перекочевали кусок хлеба с подсохшим сыром и румяное яблоко. Я сглотнула и от счастья еле сдержалась, чтобы не расцеловать ее.

— Тихо ты, — чуть улыбнулась Авдотья, — не шуми. Иди, скоро занятия начнутся. Опоздаешь, опять тебе влетит.

— Авдотьюшка! Спасибо! Вот чтоб тебе замуж выйти! За...

Я задумалась, кого бы такого хорошего пожелать. Все-таки мои познания о женихах были весьма скудны. Да

и откуда им взяться — познаниям, кроме противного арея Аристарха, послушницы и мужчин-то не видели. Так, заезжал раз в полгода ректор, толстый, вальяжный мужик, на которого мы смотреть боялись, да порой заглядывали вестники. Ну и деревенские, пропахшие потом забулдыги, помогали в приюте по хозяйству. Вот и весь наш опыт.

— За богатого! — неуверенно выдохнула я. — И красивого!

Авдотья рассмеялась.

— Ох, бездоля ты, бездоля! Какой богатый-красивый? В нашей глухомани-то? Тут кривых да убогих расхватали, а ты говоришь! И кто на старицу позарится, когда молодки безмужние сидят? Эх, выдумщица ты, Ветряна! — Авдотья пригладила передник и лукаво улыбнулась: — Да и на кого ж я вас брошу, глупых? Давай уже, беги.

Я кивнула и выскочила в коридор, на ходу засовывая в рот хлеб с сыром. Вкусно-то как!

* * *

Занятия я отсидела еле-еле. Постоянно клевала носом, клонило в сон. От недосыпа даже чувство голода притупилось. Тем более что помимо подарка Авдотьи и Ксения обо мне позаботилась — притащила с утренней трапезы постную коврижку с кислой брусникой. Я половину вернула, зная, какая подружка сластена и как редко нам перепадают такие вкусности.

Довольные, мы схрумкали лакомство, поделили мое яблочко и запили все ледяной водой из настенного фонтанчика.

Аристарх нудно бубнил что-то про грехи и искупления, я честно старалась не уснуть. Ксенька пару раз тыкала мне в бок пером, и я вздрагивала, бессмысленно тараща глаза на учителя.

Зато мой жуткий вид пронял даже Аристарха, и меня он сегодня не трогал, только косился неприязненно. Хотя он просто косоглазый, так что косил, может, и не на меня, а на подругу. Поэтому старательно таращились мы обе.

После скудного обеда из пустых щей и ржаной краюшки нас наконец отпустили на подготовку. Девчонки уселись

учить писания святых, я же без сил свернулась на кровати. За окошком было серо, снег прекратился, и небо затянула привычная осенняя хмурь.

Глухим отголоском всплыло воспоминание о совсем другой осени: мягкой, переливчатой, бронзово-золотой, с яркими всполохами падающих кленовых листьев, пронзительной синевой неба и острыми, пряными запахами прелой травы. И счастье, беззаботное, спокойное, уверенное счастье — словно еще один запах, такой же естественный и понятный, такой же необходимый...

Когда это было? И было ли вообще? Или снова моя голова выдает желаемое за действительное, странную мешанину из снов и фантазий? Но как радостно окунаться в эти сны!

Здесь, в Приграничье, я такой осени не видела. Может, потому что здесь не было кленов? Только ели. Огромные, стоящие плотной стеной, как суровые колючие стражи, протыкающие острыми макушками хмурое небо.

После холодного лета здесь как-то разом наступала осенняя хмурь, без перехода и подготовки. Беспросветно затягивало тучами небо, и нудный, монотонный дождь выливался на землю грязными серо-желтыми потоками. В один день развозило дороги, превращая утоптанную колею в глинистое, скользкое и непроходимое месиво, и мы грустно вздохнули: осень.

Поистине — не найти лучшего места для воспитания смирения и долготерпимости!

Я вздохнула, стараясь не упираться опухшим носом в жесткую подушку.

И уснула, как в яму провалилась.

ГЛАВА 2

— Не трогайте меня! Отстаньте! Я не хочу-у-у-у-у!!!

— Ветряна! Да проснись же!

Я вскочила на кровати, поскуливая и бессмысленно размахивая руками. Кажется, попала даже. Рогнеда терла покрасневшую скулу и поглядывала на меня недобро.

— Что случилось? — заикаясь, спросила я.